
УДК 330.16 + 330.59 + 339.924
JEL: A130, D630, I310, I390

Татьяна Бурлай

РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОВУШКИ ДИВЕРГЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ¹

Охарактеризована текущая динамика социально-экономического развития Украины в процессе ее европейской интеграции на основе Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, подписанного в 2014 году. Освещена ключевая роль механизма конвергенции в восстановлении устойчивого роста экономики, повышении благосостояния граждан, а также усилении интеграционных процессов в Европейском Союзе и его международной конкурентоспособности. Приведена сравнительная оценка развития Украины и отдельных стран Евросоюза по критериям объема ВВП на душу населения; величины благосостояния домохозяйств; национального благосостояния в расчете на душу населения. Обозначена усиливающаяся в последние годы тенденция дивергенции социально-экономических систем Европейского Союза и Украины, прежде всего, по критериям благосостояния населения и производительности труда. Описан институциональный феномен ловушки дивергентности, возникающий в результате синтеза ловушек бедности и неконвергентности. Охарактеризованы риски попадания Украины в ловушку дивергентности, связанные с действием таких основных внутренних факторов как: принятие Украиной в 2015 г. условий реструктуризации части госдолга, существенно ограничивающих ее экономический рост; неприемлемо низкие в контексте обеспечения конвергенции уровни капитализации национальной экономики; галопирующая трудовая миграция из Украины, обуславливающая значимые потери внутреннего потенциала роста ВВП; незначительный вес инновационно-технологического фактора в макроэкономическом развитии государства. Указана необходимость построения эконометрических моделей для количественной оценки социально-экономической конвергенции (дивергенции) Украины и Европейского Союза, по результатам которого возможна выработка соответствующих рекомендаций в части государственного регулирования, направленных на определение и эффективное внедрение механизмов выхода Украины из ловушки дивергентности.

Ключевые слова: конвергенция, риски развития, ловушка дивергентности, евроинтеграция Украины, ЕС.

Интеграционные экономические объединения, даже в условиях возрастающих вызовов глобализирующегося мира, продолжают сохранять свои преимущества, не только способствуя интенсивности

Бурлай Татьяна Викторовна (btv2008@ukr.net), канд. экон. наук, доц.; старший научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения исследования по научно-исследовательскому проекту "Становление медиум-класса в процессе социального развития и преодоления противоречий между экономической эффективностью и справедливостью" целевой комплексной программы научных исследований НАН Украины "Экономическая эффективность vs социальная справедливость: приоритеты развития Украины на этапе преодоления кризиса".

© Т.Бурлай, 2018

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2018. № 3: 99–119

99

товарных, финансовых и людских потоков в общем интеграционном пространстве, но и обеспечивая странам-участницам определенные механизмы взаимоподдержки, которые повышают их устойчивость к внешним шокам и проявлениям макроциклической волатильности. В этой связи международные институты отмечают, что, несмотря на влияние глобального финансового кризиса, экономическая интеграция по-прежнему остается основным компонентом стратегии развития как развитых, так и развивающихся стран². Для Украины, которая в процессах международного производства и обмена имеет, к сожалению, только периферийный статус, обусловленный значительными структурными перекосами национальной экономики, – а именно, завышенной долей частного потребления и критически низкими уровнями капиталовложений (Сіденко, 2018), – интеграционная политика играет особую роль. Как ожидается, реальная интеграция с Евросоюзом позволит стране существенно повысить уровень своего социально-экономического развития и международной конкурентоспособности.

Ратификация Украиной в сентябре 2014 г. Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом стала отправной точкой для институционального ускорения её продвижения по пути евроинтеграции. Опыт других стран Центральной и Восточной Европы, уже ставших членами Евросоюза, показывает, что на этом пути существуют значительные барьеры и риски, которые нужно преодолевать, обеспечивая работу механизма конвергенции – поэтапного сближения с ЕС по ключевым параметрам развития.

По мнению экспертов Всемирного банка, данный механизм имеет первостепенное значение, поскольку именно "машина конвергенции" (*convergence machine*) – так они назвали уникальную европейскую экономическую модель, – в период после Второй мировой войны позволила объединённой Европе подняться на один из самых высоких в мире уровней благосостояния и качества жизни населения. В последние годы, под влиянием недавнего глобального и ряда затянувшихся внутренних кризисов, конвергенционные процессы в Евросоюзе замедлились, а по определённым показателям разрывы между его странами-участницами растут, то есть фактически имеет место социально-экономическая дивергенция (Gräbner et al., 2017). Всемирный банк считает, что выходом из ситуации может стать модернизация европейской "машины конвергенции". Этот процесс должен, во-первых, предусматривать двумерное расширение возможностей – для людей (профессиональные навыки и образование) и для фирм (инновации), а, во-вторых, обеспечивать равные условия для такого расширения с помощью флексикультуры рынков труда и поддержания благоприятной бизнес-среды (World Bank, 2018. *Growing United... PP. 134–135*).

Примечательно, что в посткризисный период идея перезапуска социально-экономической конвергенции поддерживается и на самом высоком уровне руководства ЕС. Например, в Римской Декларации, принятой в марте 2017 г. лидерами Евросоюза и 27-ми стран-членов, чётко зафиксировано их обязательство работать над созданием богатой, стабильной и социальной Европы – как Союза, в котором экономики конвергируются и который на базе устойчивого развития способствует экономическому и социальному прогрессу, сплочённости и кон-

² Global Challenges of Integration (2013, January 16). World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/speech/2013/01/16/otaviano-canuto-talking-points-gaidar-forum-in-russia>

вергенции (*European Commission, 2017. P. 1*). Прежде всего, такой подход говорит о признании руководством ЕС ключевой роли механизма конвергенции в восстановлении устойчивого роста экономики, повышении благосостояния граждан, а также усилении интеграционных процессов в Евросоюзе и его международной конкурентоспособности.

Для Украины это означает ровно то, что задача обеспечения социально-экономической конвергенции с Европейским Союзом является приоритетной в контексте её стратегического евроинтеграционного развития. Однако, с учётом нынешних реалий, эта задача труднодостижима и требует весомых институциональных изменений. И в первую очередь для того, чтобы сломать стремительно усиливающуюся в последние годы тенденцию по расхождению динамики развития ЕС и Украины. Очевидные признаки усиливающейся дивергенции их социально-экономических систем – прежде всего по критериям благосостояния населения и производительности труд, – отмечаются с 2014 г., ознаменованного возникновением военного конфликта на Донбассе и глубокого кризиса в экономической и социальной сфере развития украинского общества.

За период 2014–2015 гг.³ реальный ВВП Украины суммарно сократился на 16,1%, и его рост на 2,3% в 2016 г. и на 2,5% в 2017 г.⁴ выглядит весьма слабым для необходимого покрытия потерь и выхода на траекторию устойчивости. Но если в экономической сфере Украины статистика отмечает слабые ростки посткризисного восстановления, то её социальная сфера, как показывают основные индикаторы доходов, занятости и качества жизни населения, находится всё ещё в состоянии стагнации.

Так, за последние четыре года средняя зарплата украинцев, выраженная в валютном эквиваленте, сократилась более чем в 1,5 раза – с 408 долл. США (3265 грн) в 2013 г. до 267 долл. США (7104 грн) в 2017г., а средняя пенсия – более чем в 2 раза, – соответственно, с 191 долл. США (1526 грн) до 93 долл. США (2480 грн)⁵.

Высокий уровень потребительской инфляции (за 2014–2017 гг. цены выросли в 2,3 раза) и непропорционально низкое номинальное повышение базовых социальных стандартов (за исключением минимальной зарплаты) обусловило заметное сокращение платежеспособности украинцев. Только за период 2014–2016 гг., согласно данным Госстата Украины, реальные располагаемые доходы населения страны сократились на 30,7% (и это абсолютно не компенсировано ростом данного показателя на 6,0% в 2017 г.).

Соответственно, произошло стремительное сокращение уровня жизни людей и рост масштабов бедности. По официальным данным, численность населения со среднедушевыми общими доходами в месяц ниже фактического прожиточного минимума, увеличилась с 6,3 млн чел. в 2014 г. до 19,8 млн чел. в 2016 г. или – с 16,7 до 51,1%, если оценивать в процентном отношении к общей численности населения Украины⁶.

Также стремительно выросла численность украинцев, нуждающихся в социальной поддержке государства. Согласно информации Госстата Украины, на начало 2018 г. 9,6 млн украинских домохозяйств

³ Тут и далее: статистические данные Госстата Украины за 2014–2018гг. приведены без учета временно оккупированных АР Крым, г. Севастополя и части территорий Донецкой и Луганской областей.

⁴ Государственная служба статистики Украины (2018). URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

или почти 2/3 (!) их общего количества, были финансово неспособны самостоятельно оплатить жилищно-коммунальные услуги (в городах), приобретение сжиженного газа или бытового топлива (в сёлах), а поэтому были вынуждены оформить получение жилищных субсидий. Для сравнения, по итогам 2014 г. такие субсидии суммарно получали всего 1,8 млн домохозяйств⁷.

Значительное влияние на распространение масштабов бедности в Украине оказывает ухудшение состояния национального рынка труда и галолирующая трудовая миграция в страны ЕС и Россию. Исчисленный по методологии МОТ уровень безработицы среди населения в возрасте 15–70 лет на начало 2018 г. поднялся до 9,5%, хотя ещё в конце 2013 г. составлял 7,3%. По разным экспертным оценкам, на сегодня за границей работает от 4 до 8 миллионов украинцев (из 17,2 млн чел. экономически активного населения трудоспособного возраста, зарегистрированного Госстатом Украины). Согласно оценкам, приведённым Минсоцполитики в июле 2018 г., на постоянной основе за рубежом трудятся 3,2 млн украинских "заробитчан", тогда как масштабы сезонной трудовой миграции из страны достигают 9 млн человек⁸. По данным Национального банка Украины (НБУ), на протяжении последних трёх лет (2015–2017 гг.) трудовые мигранты ежегодно пересылали в Украину денежные средства на уровне 7,0–9,3 млрд долл. США, или 7,6–8,4% ВВП страны (НБУ, 2018. С. 14), что характерно для бедных стран со слаборазвитыми рынками труда. Из-за отсутствия адекватной государственной политики занятости негативная тенденция массового оттока трудовых ресурсов из Украины только укрепляется – НБУ прогнозирует резкий рост денежных переводов украинских гастарбайтеров до 11,6 млрд долл. США в 2018 г. и 12,2 млрд долл. США в 2019 г., связывая это, в первую очередь, с усилением трудовой миграции⁹.

Слабая конкурентоспособность отечественного рынка труда напрямую связана с низким уровнем и недостаточными гарантиями оплаты труда. На 2018 год минимальная зарплата в Украине законодательно установлена на уровне 3723 грн (117,4 евро по текущему обменному курсу), что в два раза ниже, чем в самой бедной стране Евросоюза – Болгарии (260,8 евро), в 4 раза – чем в Эстонии (500,0 евро) и Польше (502,6 евро), в 5,5 раза – чем в Португалии (676,7 евро) и Греции (683,8 евро), в 12 раз – чем в Германии (1497,8 евро) и Франции (1498,5 евро) и в 13 раз меньше, чем в Нидерландах (1578,0 евро) и Ирландии (1614,0 евро) (Eurofound, 2018. Р. 3–4).

Кроме низкого уровня оплаты труда, острой проблемой в Украине остаётся аккумуляция задолженности по выплате официально начисленной заработной платы – явление, практически немыслимое в условиях ЕС. По состоянию на 1 августа 2018 г. общая величина этой задолженности достигла 2733,6 млн грн, увеличившись по сравнению с началом 2014 г. (753,0 млн грн) в 3,6 раза¹⁰.

Конечно, охарактеризованные выше проблемы дают весьма неполное представление об "узловых вопросах" социально-экономического развития Украины, без решения которых невозможно её успешное продвижение к целям Соглашения об ассоциации с ЕС.

⁷ Там же.

⁸ Трудовая миграция: Минсоцполитики назвало количество постоянно работающих за границей. 03.07.2018. URL: <https://www.work.ua/news/ukraine/906/>

⁹ Обсяг грошових переказів в Україну від трудових мігрантів в 2018 р. може зрости. 12.07.2018. URL: <https://ua.interfax.com.ua/news/economic/517742.html>

¹⁰ Государственная служба статистики Украины (2018). URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Но в данном контексте они позволяют более объективно оценить возможности и перспективы конвергенции Украины и Евросоюза, и попытаться обосновать следующий тезис. На наш взгляд, при сохранении негативной социальной динамики и неизменности социально-экономических приоритетов государства, в процессе евроинтеграции *Украина рискует попасть в "ловушку дивергентности"*, которую можно рассматривать как синтез двух известных в экономической теории явлений – "ловушки бедности" и "ловушки неконвергентности". Кратко изложим их содержание и соответствующую привязку к украинским реалиям.

Экономический феномен ловушки бедности (*poverty trap*) или же ловушки низких доходов (*low-income trap*) описывает ситуацию слабо развитых стран, в которых по ряду взаимосвязанных причин происходит долгосрочная консервация бедности на макроуровне. Эта ситуация также описана в моделях порочного круга нищеты, которые ещё с 1950-х годов разрабатывались экономистами-теоретиками, исследовавшими различные аспекты проблемы капитализации экономики. Наиболее известной является модель порочного круга нищеты Р. Нурксе, которая описывает циклическую схему: "низкий уровень доходов → слабая покупательная способность → недостаточный стимул к инвестированию → нехватка капитала → низкая производительность труда → низкий уровень доходов", а также интерпретации этой модели в работах Х. Лейбенштейна, Б. Кналла и авторов кейнсианского направления (*Артьомова, Полічко, 2009. С. 61*).

Преодоление ловушек бедности является серьёзным вызовом для государственной политики многих стран и требует чёткого понимания причин, которые приводят к попаданию в такие ловушки. Самыми распространёнными среди этих причин международные эксперты называют следующие (*Экономический и социальный совет ООН, 2000. С. 140–143*):

- межотраслевые переливы избыточного спроса (при недостатке капиталовложений в одной из взаимозависимых отраслей со взаимобусловленным спросом);
- действие эффекта масштаба производства и экзогенных факторов, связанных с человеческим капиталом, научным потенциалом и технологиями;
- наличие субоптимальных (неэффективных) институтов.

Все три ситуации, инициирующие попадание в ловушку бедности, наблюдались в Украине в разные моменты её истории как независимого государства, а некоторые – прежде всего, функционирование неэффективных и ряда деструктивных институтов (сверхвысокая коррупция, масштабная теневая экономика), – имеют место и сейчас. Поиск эффективной стратегии и механизмов выхода Украины из ловушки бедности должен строиться на адекватной оценке её масштабов и динамики, а также сравнении с показателями бедности других стран, в первую очередь, стран-"маяков", которыми могут служить постсоциалистические государства Евросоюза.

Достаточно полное представление о бедности в Украине и Европе дают соответствующие оценки авторитетных международных структур. Так, МВФ рассчитывается такой традиционный международный индикатор уровня благосостояния, как величина номинального ВВП на душу населения, выраженная в валютном эквиваленте¹¹. Со-

¹¹ IMF (2018). World Economic Outlook Database, April 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

гласно данным МВФ, показатель ВВП на душу населения Украины вырос за период 1991–2016 гг. в полтора раза, но, достигнув максимума в 2013 г. (3969 долл. США), затем ощутимо обвалился и может вернуться на эти позиции только как минимум через десятилетие – примерно к 2023 г. (табл. 1).

Сравнительная оценка показывает, что разрывы подушевого дохода Украины и отдельных стран ЕС сокращались с 2000 г. по 2013 г. включительно, затем в Украине произошёл резкий скачок уровня бедности и по итогам 2017 г. величина её ВВП на душу населения составила всего 6,5% аналогичного показателя Франции и 18,7% – показателя Польши. Очевидно, что Украине предстоит преодолеть весьма долгий конвергенционный путь для ощутимого сближения и с новоинтегрированными странами ЕС, и тем более – с его высокоразвитыми государствами.

Макроуровневый срез бедности также можно определить по величине благосостояния домохозяйств, которая оценивается исследовательским институтом финансового консорциума "Credit Suisse" по размеру рыночной стоимости активов, приходящемуся на одного совершеннолетнего участника домохозяйства (2017. Р. 4–8). Последние четыре года Украина находится в числе лидеров стран Европы по уровню бедности домохозяйств, а сравнительный анализ данных за 2010–2017 гг. показывает, что с момента стремительного роста бедности в Украине, начавшегося в 2014 г., уровень благосостояния отечественных домохозяйств опустился до отметки 0,4% и 4,3% аналогичных показателей Франции и Польши (табл. 2).

Ускоряющуюся динамику увеличения масштабов бедности в Украине фиксируют и эксперты ПРООН, оценивающие их на основе доли населения, чьи совокупные доходы в месяц не превышают национальной черты бедности – фактического прожиточного минимума¹².

Таблица 1

**Динамика ВВП на душу населения стран ЕС и Украины
за 1991–2016 гг. (факт) и 2017–2023 гг. (оценка),
долл. США, в текущих ценах**

Страна	1991	2000	2010	2013	2016	2017	2023
Дания	27053	30799	58177	61326	53774	56444	77408
Франция	22517	23313	42249	44105	38205	39869	53839
Чехия	н/д	5998	19831	19913	18506	20152	33623
Латвия	н/д	3334	11228	14952	14009	15547	25716
Венгрия	3350	4628	13074	13645	15531	15531	21980
Польша	2101	4476	12602	13777	13823	13823	20980
Румыния	1249	1670	8212	9568	10757	10757	18521
Болгария	224	1614	6744	7696	7496	8064	12166
Украина	1490	664	2983	3969	2199	2583	4216
<i>Соотношение показателей Украины и:</i>							
Франции, %	6,6	2,8	7,1	9,0	5,8	6,5	7,8
Польши, %	70,9	14,8	23,7	28,8	15,9	18,7	20,1

Источник: IMF (2018). World Economic Outlook Database, April 2018. URL:

<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>; расчеты автора.

¹² В Украине фактический прожиточный минимум рассчитывается Министерством социальной политики исключительно в аналитических целях. В июне 2018г. его размер в расчете на душу населения, с учетом суммы налога на доходы физлиц, составлял 3818 грн, тогда как размер официально установленного прожиточного минимума для этой категории – всего 1700 гривен.

**Динамика благосостояния домохозяйств
во Франции, Польше и Украине в 2010–2017 гг.,
тыс. долл. США на одного совершеннолетнего**

Год	Франция	Польша	Украина	Соотношение показателей Украины и:	
				Франции, %	Польши, %
2010	281,9	26,0	2,9	1,0	11,2
2011	279,2	23,3	3,6	1,3	15,5
2012	275,3	27,1	3,6	1,3	13,3
2013	286,6	30,7	3,6	1,2	11,7
2014	255,5	26,0	1,8	0,7	6,9
2015	237,0	23,4	1,3	0,5	5,6
2016	244,6	23,8	1,2	0,5	5,0
2017	263,4	28,1	1,2	0,4	4,3

Источник: Credit Suisse Research Institute (2017). Global Wealth Databook 2017. PP. 33-56,73-104; расчёты автора.

Согласно данным ПРООН, уровень бедности в Украине, определённый по данному критерию, сократился с 71,2% в 2000 г. до 22,1% в 2013 г. (UNDP, 2015. P. 19), а затем резко вырос до почти 60% по итогам 2016 года¹³. Такая динамика, кроме прочего, указывает на необходимость серьёзной корректировки национальной Стратегии преодоления бедности, утверждённой распоряжением Кабинета Министров Украины № 161-р от 16.03.2016 г., в которой соответствующий целевой показатель бедности на 2020 год установлен на уровне 15% и является объективно недостижимым.

Нынешнее нахождение Украины в ловушке бедности является очевидным и, как представляется, не требует дополнительных аргументов. Главным вопросом (к сожалению, преимущественно в научно-экспертном сообществе) является определение путей и механизмов преодоления этой ловушки, особенно учитывая сохраняющиеся риски перехода Украины к модели асоциального государства (Бурлай, 2015). На наш взгляд, отправной точкой в данном случае могут служить соответствующие рекомендации, разработанные как зарубежными, так и украинскими учеными и экспертами.

По мнению аналитиков Всемирного банка, преодоление негативных тенденций бедности в Украине связано, прежде всего, с урегулированием конфликта на Донбассе, корректировкой рынка труда и системы оплаты труда, а также улучшением качества государственного управления и созданием антикоррупционных институтов (World Bank Group, 2017. P. 21–34).

На крайнюю важность позитивных институциональных изменений для выхода из ловушки бедности указывают и эксперты Экономического и Социального Совета ООН, считая, что институциональные реформы в данном случае должны быть направлены на формирование дееспособного независимого государственного аппарата, нацеленного на обслуживание всех граждан; расширение пространства общественного доверия; создание институтов, способствующих долгосрочному росту экономики, а также демонтаж коррупционных структур, которые несправедливо распределяют его плоды (Экономический и социальный совет ООН, 2000. С. 241).

¹³ UNDP (2017, March 30). Too many lives scarcely touched by human development progress, UN report finds. URL: <http://www.ua.undp.org/content/ukraine/en/home/presscenter/pressreleases/2017/03/30/...>

Аналитики МВФ традиционно связывают сокращение бедности с политикой выравнивания доходов в обществе и справедливостью их распределения. В исследованиях МВФ эконометрически обосновано, что неравенство доходов негативно сказывается на экономическом росте и его устойчивости, а более справедливое распределение доходов крайне важно для ускорения роста экономики, а именно (*Дабла-Норрис* и др., 2015):

- повышение благосостояния богатых на один процентный пункт (п.п.) ведёт к тому, что за следующие пять лет темпы роста ВВП в стране снижаются на 0,08 п.п., а

- повышение уровня благосостояния бедных и среднего класса на 1 п.п. может привести к повышению темпов роста ВВП на целых 0,38 п.п. – иными словами, содействие росту доходов бедных и среднего класса может способствовать улучшению перспектив роста для экономик, находящихся в ловушке бедности.

Также специалистами МВФ предложены рецепты преодоления ловушки бедности для стран с высоким уровнем государственного долга, что касается и Украины, где на начало 2018 г. госдолг достиг 71,8% ВВП. В том числе эти рецепты связаны с укреплением финансовой стабильности, уменьшением бремени государственного долга и применением ответственного подхода правительства к заимствованию средств (*Bokosi, 2018. P. 17*).

В свою очередь, украинские учёные полагают, что в нынешних условиях необходимыми шагами для преодоления Украиной ловушки бедности и её перехода к модели самоускоряющегося развития являются (*Унковская, 2016*):

- внедрение оптимального механизма окончательного закрепления прав собственности и недопущение новых переделов собственности;

- разделение бизнеса и государственной власти, ускорение формирования социально ответственного государства и бизнеса;

- реализация новой экономической стратегии, нацеленной на переход к высокотехнологичной экономике и расширение индустриализации;

- развитие финансовой системы как инструмента достижения целей указанной стратегии.

Таким образом, мы прояснили основные признаки нахождения Украины в ловушке бедности и потенциальные способы вырваться из неё. Однако, по нашему представлению, это лишь одна часть решения проблемы ловушки дивергентности, угрожающей развитию Украины. Вторая часть связана с ловушкой неконвергентности (*non-convergence trap*), эффект которой в рамках нео-шумпетерианской парадигмы описали учёные Ф. Агийон и Ч. Биркан (*2017*) на основе так называемой ловушки среднего дохода (*middle-income trap*).

Суть ловушки неконвергентности заключается в потере государствами со средним уровнем доходов¹⁴ возможности конвергентно

¹⁴ Согласно классификации Всемирного банка, в 2018 финансовом году по критерию уровня доходов (ВНД на душу населения по итогам 2016г.) страны мира распределяются таким образом: страны с низким уровнем доходов – 1005 долл. США и меньше; страны с уровнем доходов ниже среднего – от 1006 до 3955 долл. США; страны с уровнем доходов выше среднего – от 3956 до 12235 долл. США; страны с высоким уровнем доходов – 12236 долл. США и больше. Страны с низким и средним уровнем доходов иногда называют развивающимися странами. Детальнее см.: World Bank (2018). World Bank Country and Lending Groups. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519>

сближаться с высокоразвитыми государствами, поскольку первые не могут поддерживать высокие темпы экономического роста из-за нахождения в ловушке среднего дохода – ситуации, когда после его достижения (в расчёте на душу населения) рост экономики замедляется и, в конце концов, почти прекращается.

Такая проблема возникает в случае, когда страны с низким уровнем доходов определённое время демонстрируют высокие темпы экстенсивного роста экономики – то есть, их совокупная факторная производительность зависит от накопления ресурсов рабочей силы и капитала, – и, наконец, достигают среднего уровня доходов. А затем на этом уровне "застевают", поскольку из-за роста заработной платы и снижения ценовой конкурентоспособности они не в состоянии конкурировать как с развитыми странами с интенсивным типом роста (в которых совокупная факторная производительность зависит от технологий, инноваций, образовательно-квалификационного уровня работников, более эффективных бизнес-процессов), так и государствами с низким уровнем доходов, которые характеризуются низким уровнем заработной платы и в целом более низкими затратами производства. По мнению экспертов, страны со средним уровнем доходов рискуют попасть в ловушку неконвергентности в том случае, когда их экономики не прогрессируют от экстенсивного к интенсивному типу роста.

Считается, что в контексте обеспечения конвергенции с более развитыми экономиками, страны со средним и низким уровнем подушевого дохода должны проводить экономические и политические реформы, нацеленные на генерирование и поддержку инноваций. Без проведения таких реформ эти страны рискуют угодить, соответственно, в ловушку среднего дохода (ловушку неконвергентности) и ловушку низкого дохода (ловушку бедности) (Ito, 2017. PP. 18–21).

По нашему мнению, рассмотрение движения Украины как страны с низким (ниже среднего) уровнем доходов позволяет предположить наличие "ловушки дивергентности" на пути её социально-экономической конвергенции с ЕС. *В данном конкретном случае под ловушкой дивергентности мы понимаем теоретическую конструкцию, которая на определённом временном промежутке характеризует макроэкономическую и институциональную несостоятельность Украины обеспечивать конвергенцию и, по причине влияния различных ограничений экономического роста, её пребывание в состоянии дивергенции с Европейским Союзом.*

В более общем случае, в ловушку дивергентности рискует попасть страна, уже находящаяся в ловушке бедности, которая, в силу действия ограничителей её экономического роста, не способна конвергироваться с более развитыми странами. Полагая, что последние демонстрируют отсутствие ограничителей роста и его ускоряющиеся темпы, между менее и более развитыми странами будет иметь место социально-экономическая дивергенция.

Первым шагом к попаданию в ловушку дивергентности является попадание страны в ловушку бедности, а вторым – формирование условий неконвергентности (неспособности обеспечивать конвергенцию), напрямую связанных с действием искусственных или объективно существующих ограничителей роста её экономики.

Схематически ловушка дивергентности изображена на рисунке.

Риски возникновения ловушки дивергентности в украинских реалиях, прежде всего, имеют институциональную подоплёку. На наш взгляд, этот феномен следует рассматривать как одно из проявлений

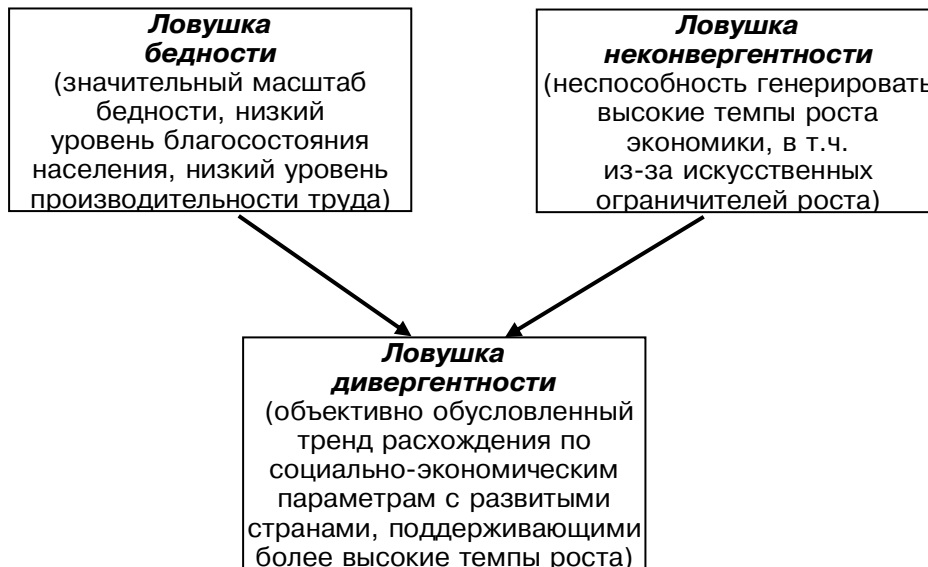

Рисунок. Формирование ловушки дивергентности на основе ловушек бедности и неконвергентности

Источник: составлено автором.

деформаций национального институционального пространства. Отталкиваясь от того факта, что данная ловушка "вырастает" из ловушки бедности, логично предположить, что эти деформации связаны, *во-первых*, с низким качеством системы государственного управления, а *во-вторых*, со слабой институционализацией системы распределения в трансформационной экономике Украины, характеризующейся как дефицитом социальной справедливости, так и низким уровнем социальной защищённости и благосостояния населения (*Институциональная архитектура...*, 2008. С. 447–450; 819–821).

Интегральной оценкой изменений, как национальной институциональной среды, так и её системообразующего элемента – института государства, может служить рассчитываемый американскими Фондом мира и журналом "Foreign Policy" Индекс слабости государств (*Fragile States Index*). Это комплексный показатель способности властей страны контролировать целостность своей территории, политическую, экономическую, социальную и демографическую ситуацию в стране, а также устойчивость её государственных институтов¹⁵. Понятие "слабое государство" является оценочным и по содержанию близко понятию "несостоявшееся (недееспособное) государство" (*Failed State*).

В мировом рейтинге 2014 года¹⁶ по Индексу слабости государств Украина занимала 113-ю позицию среди 178 стран мира, а в аналогичном рейтинге 2018 года¹⁷, который возглавили институционально слабейшие государства мира Южный Судан, Сомали и Йемен, – уже только 86-ю, соседствуя с ЮАР и Габоном. Такая значимая степень институциональной деградации Украины за последние несколько лет объясняется не только фактором продолжающегося с 2014 р. военного кон-

¹⁵ Рейтинг стран мира по уровню слабости. Информация об исследовании и его результаты. 05.08.2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index/info>

¹⁶ Fragile States Index 2014: The Book. Fund for Peace (June 24, 2014). URL: <http://library.fundforpeace.org/cfsir1423>

¹⁷ Fragile States Index 2018 – Annual Report. Fund for Peace (April 24, 2018). URL: <http://fundforpeace.org/global/2018/04/24/fragile-states-index-2018-annual-report/>

фликта в двух восточных регионах страны. Весомую роль также сыграло достижение гипертрофированных размеров таким глубоко деструктивным институтом, как коррупция, – именно такой вывод можно сделать, учитывая ряд недавно опубликованных международных оценок.

К примеру, в марте 2018 г. Всемирный банк представил доклад, посвящённый украинскому феномену "кумовского капитализма" – специфической модели управления экономикой, при которой тесная смычка власти (политикума) и владельцев крупного бизнеса ("олигархов") позволяет обеим этим группам получать очень весомую экономическую и коррупционную ренту. Как отмечается, основной негатив "кумовского капитализма" проявляется в том, что под его влиянием государство неэффективно распределяет ресурсы, ограничивает конкуренцию, увеличивает издержки, а также способствует росту социального неравенства в обществе. Именно это и наблюдается в Украине, где, по оценке Всемирного банка, доля "кумовского капитализма" в экономике по параметрам занятости и оборота составляет от 15 до 20%. При условии устранения этой деструктивной модели рост украинской экономики мог бы ускориться на 1–2% (*World Bank, 2018; Crony capitalism ...* P. 2; 11–12).

Другим примером служит публикация в августе 2018 г. результатов расследования немецкого издания "Süddeutsche Zeitung", утверждающего, что "коррупция разрушает Украину"¹⁸. Немецкие эксперты поражены масштабами этого явления – по их оценке, только из-за коррупции в таможенных органах украинский бюджет ежегодно недополучает порядка 4,8 млрд долл. США, что превышает 10% всех его доходов и в два раза больше той суммы, которую Украина рассчитывает занять в 2018 г. у МВФ, Евросоюза и Всемирного банка.

Эти примеры – лишь малая доля свидетельств о наличии серьёзных институциональных барьеров на заявленном Украиной пути в ЕС.

Успешность их преодоления, как справедливо отмечают украинские эксперты, определяется сбалансированным подходом в государственной интеграционной политике, требующим не только концентрироваться на построении или трансформации соответствующих формальных институтов (таких как законодательство, органы управления, судебной власти и др.), но и влиять на институты неформальные (одним из них, к примеру, является коррупция), которые "...опираются на нормы морали и этики взаимных отношений, традиции и обычаи, стереотипы общественного мнения, распространённые формы добровольного взаимодействия". Как показывает опыт стран Центральной и Восточной Европы, именно от эволюции неформальных институтов существенно зависит ход процессов их европейской интеграции (*Неекономічні пріоритети ...*, 2015. С. 15). Совершенно оправданным, учитывая выше изложенное, будет такой подход и для Украины.

Однако при этом необходимо учитывать, что в ходе так называемой "институциональной трансплантации" – заимствования интегрирующимися в ЕС странами европейских институтов, – часто происходит их отторжение, обусловленное спецификой формирования формальных и неформальных институтов. Специалисты акцентируют внимание на том, что зачастую новые формальные институты после "пересадки" не работают, потому что оказываются в окружении неформальных, сохранившихся в прежнем виде, и справедливо указывают, что проведение

¹⁸ Süddeutsche Zeitung: коррумпированная таможня обходится украинцам дороже западных кредитов. 06.08.2018. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-08-06/Sddeutsche-Zeitung-korrumpirovannaya-tamozhnya-obhoditsya>

институциональных реформ в Украине на основе трансплантации европейских образцов может быть неудачным до того момента, пока оно не будет синхронизировано с отечественной социокультурной, политической и экономической средой (Липовська, 2017. С. 26–27).

Предпосылки попадания Украины в ловушку дивергентности.

Основой для предпосылки усиления рисков попадания Украины в ловушку дивергентности служат характерные признаки усиления в последние годы тенденций её дивергенции с ЕС, а также наличие весомых факторов сохранения этих тенденций в достаточно длительной перспективе. Как уже упоминалось, традиционным индикатором для оценки межстрановой социально-экономической конвергенции (дивергенции) выступает объём подушевого ВВП. Однако в рамках парадигмы устойчивого развития более адекватным для такой оценки представляется показатель национального благосостояния, рассчитываемый с учётом человеческого капитала по методологии Всемирного банка. В докладе "Изменение уровня благосостояния наций" за 2018 год (World Bank, 2018; *The Changing Wealth...*), а также открытой электронной базе данных Всемирного банка¹⁹, национальные показатели совокупного благосостояния представлены за период 1995–2014 гг. и определены как сумма четырёх компонент: природного, производственного, человеческого капитала и чистых иностранных активов. Авторы доклада также отмечают аналитические преимущества индикатора национального благосостояния по сравнению с индикатором ВВП: его снижение в расчёте на душу населения является маркером потенциального истощения ресурсов, необходимых для формирования будущих доходов в обществе, тогда как с помощью показателя роста ВВП этот факт не находит отражения²⁰.

Сравнительная динамика уровня благосостояния в Украине и отдельных государствах ЕС за 1995–2014 гг. свидетельствует об увеличении "разрывов" между ними, что является четким признаком социально-экономической дивергенции (табл. 3).

Таблица 3

Динамика национального благосостояния в расчёте на душу населения в Украине и отдельных странах ЕС в 1995–2014 гг., тыс. долл. США, в базовых ценах 2014 г.

Страна	1995	2005	2010	2014	Разница с показателем Украины		
					2005 г.	2010 г.	2014 г.
Украина	54,9	52,5	61,4	56,1	x	x	x
Болгария	34,6	56,9	68,9	81,9	4,4	7,5	25,8
Румыния	76,0	96,5	101,4	107,0	44,0	40,0	50,9
Польша	82,2	109,4	146,6	154,9	56,9	85,2	98,8
Венгрия	107,2	137,3	141,8	165,5	84,8	80,4	109,4
Латвия	98,4	172,7	178,9	236,9	120,2	117,5	180,8
Эстония	156,8	203,2	211,7	258,9	150,7	150,3	202,8
Франция	510,8	582,2	618,1	641,7	529,7	556,7	585,6
Германия	524,5	531,4	641,3	729,1	478,9	579,9	673,0
Дания	663,3	799,3	819,4	854,3	746,8	758,0	798,2

Источник: World Bank (2018). *The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future*. PP. 226-232; World Bank's Open Data (2018). URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=wealth-accounts>; расчёты автора.

¹⁹ World Bank's Open Data (2018). URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=wealth-accounts>

²⁰ World Bank Report Finds Rise in Global Wealth, but Inequality Persists (2018, 31 January). World Bank Press Release. No. 2018/097/ENR. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/01/30/world-bank-report-finds-rise-in-global-wealth-but-inequality-persists>

Как показывают данные табл. 3, средний уровень благосостояния украинцев в 2014 г. оценивался Всемирным банком в 56,1 тыс. долл. США. Его сокращение по сравнению с 2010 г. на 8,6% и "откат" по абсолютной величине практически на уровень 1995 г. указывает на серьёзные риски потери потенциала устойчивого развития и повышения уровня жизни населения.

В контексте евроинтеграции следует отметить, что на сегодня по удельной величине благосостояния Украина демонстрирует колоссальное отставание от стран Евросоюза: от беднейших государств (Румынии и Болгарии) – в 1,5–2 раза; от стран с достатком ниже среднего (Венгрии, Польши) – в 3 раза; от государств среднего достатка (Латвии, Эстонии) – в 4–5 раз; от развитых стран (к примеру, Франции, Германии и Дании) – в 11–15 раз. Однако угроза евроинтеграционному продвижению Украины заключается не столько в величине её социального "разрыва" с европейскими государствами, а в том, что этот "разрыв" неуклонно растёт, даже в сравнении с беднейшими странами-членами ЕС. За период 2005–2014 гг. разница между показателями удельной величины благосостояния Украины и Эстонии, Венгрии, Латвии, Польши выросла в 1,3–2 раза, Украины и Болгарии – в 5 раз (табл. 3).

Такая динамика указывает на формирование негативного тренда дивергенции между социально-экономическими системами Украины и Евросоюза, и сложность заключается в том, что существуют факторы, действующие на усиление этого тренда в долгосрочном периоде. Прежде всего, они связаны с усилением институтов деструкции, в т.ч. коррупции и теннизации экономики, углублением деиндустриализации, а также с состоянием рынка труда и макрофинансовой системы Украины. Учитывая это, на наш взгляд, на сегодня можно выделить пять основных внутренних факторов, закрепляющих дивергенцию Украины и ЕС в долгосрочной перспективе, и, по сути, обуславливающих сверхвысокие риски попадания Украины в ловушку дивергентности:

- 1) *принятие Украиной в 2015 г. условий реструктуризации части госдолга, существенно ограничивающих её экономический рост;*
- 2) *неприемлемо низкие в контексте обеспечения конвергенции уровни капитализации национальной экономики;*
- 3) *незначительный вес инновационно-технологического фактора в макроэкономическом развитии государства;*
- 4) *галопирующая трудовая миграция из Украины, обуславливающая значимые потери внутреннего потенциала роста ВВП;*
- 5) *масштабный и неуклонно углубляющийся демографический кризис в Украине, которая, по оценкам ООН, к 2050 году превратится в одну из самых стремительно вымирающих наций мира.*

Рассмотрим более детально каждый из приведённых выше факторов дивергентности Украины и Евросоюза.

Принятие Украиной в 2015 г. условий реструктуризации части госдолга, существенно ограничивающих её экономический рост. Как отмечается многими исследователями, именно высокие темпы экономического роста стран-"аутсайдеров" являются необходимым условием их конвергенции со странами-"лидерами". В частности, это подтверждается опытом постсоциалистических стран, которые вступили в Евросоюз в первой декаде 2000-х годов (Forgo, Jevčák, 2015), и годовой прирост реального ВВП которых в докризисный период составлял в среднем 7–9%.

Достижение Украиной таких темпов развития становится объективно нецелесообразным (а с учётом ловушки бедности – и невоз-

можным) из-за проведения украинским правительством в конце 2015 г. реструктуризации части государственного долга на условиях, жёстко привязывающих рост ВВП страны к размеру её выплат по госдолгу. Такие дестимулирующие рост экономики нормы закреплены постановлением Кабинета Министров Украины № 912 от 11.11.2015 г. (с изм.) "Об осуществлении в 2015 году транзакций по государственному и гарантированному государством долгу с целью его реструктуризации и списания". Этим документом предусмотрено, что на протяжении 20-летнего периода – с 31 мая 2021 г. по 31 мая 2040 г., – в случае достижения годового объёма номинального ВВП страны в размере 125,4 млрд. долл. США, Украина обязана выплачивать по государственным деривативам реструктуризованную часть долга на таких условиях:

- если годовой прирост реального ВВП составит менее 3%, то выплаты не осуществляются;
- если годовой прирост реального ВВП составит от 3 до 4%, кредиторам выплачивается 15% от величины превышения 3-процентного порога прироста;
- если годовой прирост реального ВВП превысит 4%, то выплачивается 40% от величины такого превышения + выплата по предыдущему варианту (т.е. ещё 15% от величины, соответствующей 1% прироста реального ВВП).

Так, если реальный ВВП Украины вырастет за год на 7%, то суммарные выплаты кредиторам в рамках только этой схемы составят: $(0,40 \cdot (7-4) + 0,15 \cdot 1)\% = (0,40 \cdot 3 + 0,15 \cdot 1)\% = 1,35\%$ его общей величины.

Многие специалисты справедливо называют описанные условия реструктуризации госдолга кабальными для Украины, ведь они фактически заставляют её отказаться от ускоренного развития и ориентироваться на рост ВВП не выше 3–4%. Именно такие темпы роста украинской экономики прогнозирует МВФ на ближайшие пять лет: 3,19% в 2018 г., 3,26% в 2019 г., 3,46% в 2020 г., 3,68% в 2021 г., 4,00% в 2022 г. и 4,02% в 2023 году²¹.

Однако указанные темпы экономической динамики предопределяют не только дальнейшее нахождение Украины в ловушке бедности, что подтверждают эксперты Всемирного банка²², но и её дальнейшую дивергенцию с Евросоюзом – то есть, попадание в ловушку дивергентности.

Если говорить в более широком контексте, то значимым фактором текущей социально-экономической динамики Украины является сотрудничество с международными организациями-кредиторами, прежде всего, МВФ. С одной стороны, предоставляемая ими помощь позволяет поддерживать курс национальной валюты и макрофинансовое сбалансирование в целом. Но с другой, и, на наш взгляд, гораздо более весомой, стороны, *проведение ряда жёстких реформ, навязываемых международными кредиторами* – в т.ч. повальной отмены социальных гарантий и льгот, урезания социальных программ, шокового повышения цен и тарифов на энергоносители и услуги ЖКХ, сокращения получателей академических стипендий, резкого ужесточения условий выхода на пенсию, фактический переход на повсеместно платную медицину и др., – *уже имеет тяжёлые социальные последствия для Украины* в виде роста безработицы и бедности, усиления

²¹ IMF (2018). World Economic Outlook Database, April 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

²² ВБ о росте экономики Украины: этих темпов недостаточно, чтобы преодолеть бедность. УНИАН. 10.04.2018г. URL: [https://economics.unian.net/finance/10074911/...](https://economics.unian.net/finance/10074911/)

социального неравенства, ускорения трудовой миграции, сокращения уровня жизни и доступности для украинцев систем социальной защиты, образования и здравоохранения. *А в средне- и долгосрочной перспективе, учитывая действие механизмов потребительского спроса, распределения доходов, социального обеспечения, рынков труда и образовательных услуг, а также др., этот фактор фактически препятствует выходу Украины из ловушки бедности.*

По оценкам некоторых экспертов²³, сегодняшняя Украина может повторить историю отдельных стран, попавших в стойкую зависимость от кредитования МВФ, которые выполнили десятки программ сотрудничества с ним "в обмен на жёсткие социальные реформы", но так и не смогли преодолеть бедность и усилить потенциал своей экономики. Эффективность отечественных социальных и экономических реформ, проводимых в последние годы, тоже пока невысока. Согласно оценке независимого эксперта ООН по вопросам внешней задолженности и правам человека Х. Богославски, который инспектировал Украину в мае 2018 г., несмотря на её прогресс в борьбе с незаконными финансовыми потоками, в стране растёт социальное неравенство, а проведение реформ без чётких гарантий прав человека может только усилить неравенство и бедность²⁴. Тот факт, что уровень бедности в Украине значительно выше, чем 5 лет тому назад, в июле 2018 г. зафиксировал и Всемирный банк²⁵. Таким образом, риски "застревания" Украины в ловушке бедности, как и риски её попадания в ловушку дивергентности, пока остаются значительными.

Неприемлемо низкие в контексте обеспечения конвергенции уровни капитализации национальной экономики. В процессе сближения с ЕС Украина должна адаптироваться к реалиям так называемой новой конвергенции, которая, по мнению экспертов Брукингского института (*Derviş, 2012. С. 12*), присуща современному миру и определяется тремя факторами:

1) *глобализацией*, усиливающей торговые и инвестиционные потоки и тем самым ускоряющей темпы роста "догоняющих" экономик, которые активно наращивают импорт ноу-хау и технологий стран-лидеров;

2) *демографической динамикой* большинства стран с формирующимся рынком (замедление роста населения), способствующей повышению капиталоемкости экономики и ускорению темпов роста подушевого ВВП;

3) *ростом инвестируемой доли доходов* в "догоняющих" странах до 27,0% ВВП за последнее десятилетие по сравнению с 20,5% в развитых странах. Это даёт конвергенционный импульс, учитывая, что инвестиции не только повышают производительность труда, но и могут повышать совокупную факторную производительность, внедряя новые знания и технологии производства, тем самым ускоряя темпы роста экономики.

Примечательно, что все три названные фактора так или иначе, "завязаны" на уровень капитализации страны, которая выступает

²³ Украина: по скорбному пути Пакистана – Андрей Головачев. 06.08.2018. URL: <https://ukraina.ru/sn/20180806/1020757932.html>

²⁴ Украина: экономические реформы должны защищать права человека и бороться с коррупцией. УВКПЧ ООН, 23.05.2018. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23120&LangID=R>

²⁵ Бедных в Украине сейчас больше, чем пять лет назад – Всемирный банк. 17.07.2018. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-economy/2500637-bednyh-v-ukraine-sejcas-bolse-chem-pat-let-nazad-vsemirnyj-bank.html>

в роли "догоняющей" в процессе социально-экономической конвергенции. И чем он выше, тем успешнее, при прочих равных условиях, идёт конвергенционное сближение с экономически более развитыми государствами. Это, например, показывает опыт стран Вышеградской группы, успешно движущихся путём конвергенции с развитой Европой, – на протяжении десятилетнего периода до (1995–2004) и такого же периода после (2005–2014) их вступления в ЕС, удельный вес валового накопления основного капитала в ВВП составлял²⁶: в Чехии – 28,1–33,9% и 25,1–29,5%; Словакии – 25,0–37,1% и 20,7–27,3%; Венгрии – 21,7–25,4% и 19,3–23,8%; Польше – 17,4–24,3% и 18,9–23,1% соответственно.

По сравнению с указанными новоинтегрированными странами ЕС Украина по данному критерию демонстрирует почти двукратное отставание, а значит, и слабые возможности конвергенции. Учёные справедливо называют динамику уровней капиталообразования в Украине абсолютно аномальной – данный показатель стремительно сократился с 27,1% в 1992 г. до 13,5% в 2015 г., затем незначительно увеличившись до 15,1% в 2016 г., – и именно процесс "проедания" имеющегося капитала нашей страны лежит в основе снижения потенциала её экономического развития, сдерживания технологической модернизации, а также консервации низкой международной конкурентоспособности (Сіденко, 2018. С. 56–57). Учитывая расчёты Института экономики и прогнозирования НАН Украины, согласно которым в 2018–2019 гг. уровень капиталообразования в отечественной экономике не превысит 16,3% ВВП, а для её перехода в режим модернизации он должен быть не ниже 20–25% ВВП (Скрипниченко, Яценко, 2018. С. 66, 73), Украина пока имеет крайне ограниченные перспективы конвергенции с Европейским Союзом.

Незначительный вес инновационно-технологического фактора в макроэкономическом развитии Украины. Устранение конвергенционного разрыва, как аргументировано показал Д. Родрик из Гарвардской школы им. Кеннеди, требует преодоления догоняющей страной так называемого "разрыва ВВП" (отставания реального ВВП от потенциально возможного), и ведущую роль в этом играет именно технологический фактор (Rodrik, 2011. P. 5). Применяя данный подход к Украине, мы сталкиваемся с её потенциальной невозможностью в ближайшие годы преодолеть конвергенционный разрыв, а фактически – дивергенцию, с Евросоюзом. На это указывают результаты эконометрического анализа, проведённого учёными Института экономики и прогнозирования НАН Украины, которые установили "надзвичайно малий, майже незначний" вес фактора инновационно-технологического фактора в ВВП страны и спрогнозировали сохранение в ближайшей перспективе очень значимого "разрыва ВВП" – на уровне 20–25% (Скрипниченко, Яценко, 2018. С. 64–66, 73). Практически это указывает на отсутствие в нынешних условиях у Украины главного – инновационно-технологического фактора для преодоления её конвергенционного разрыва с ЕС. Высокими остаются риски устранения этого разрыва и в долгосрочном периоде, учитывая динамику сближения объёмов реального и потенциального ВВП нашей страны. В рамках эконометрического моделирования экспертами доказана её строгая зависимость от циклических изменений в динамике мировой экономики, конъюнктуры и цен на глобальных рынках, условий торговли со странами СНГ и эффектов внутренней монетарной политики, а также обоснована необходимость проведения глу-

²⁶ Eurostat (2018). Gross fixed capital formation by AN_F6 asset type. 10.06.2018. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

боких структурных реформ, которые стимулируют рост капитальных вложений и занятости в Украине, и тем самым позволяют ей сокращать разрыв ВВП, адекватно реагируя на воздействие глобальных трендов развития (Шумська, 2017. С. 23–27). Существующий дефицит таких реформ и значительный лаг проявления их ожидаемых результатов в случае успешной реализации указывают на долгосрочный характер рисков преодоления как "разрыва ВВП" Украины, так и её конвергенционного разрыва с Евросоюзом.

Галопирующая трудовая миграция из Украины, которая обуславливает значимые потери внутреннего потенциала роста ВВП. Фактор оттока трудовых ресурсов имеет сильное влияние на динамику экономического роста стран-аутсайдеров" и, таким образом, на перспективы их конвергенции со странами-"лидерами". Опыт "новых" стран-членов Евросоюза показывает, что только за период 2004–2009 гг. потери их потенциального ВВП вследствие трудовой миграции в "старые" страны ЕС были значительными и составили в среднем от 0,2% в Чехии до 5,4% в Болгарии, 6,0% в Литве и 10,6% в Румынии (Holland et al., 2011. PP. 31–39). Неизбежные потери потенциального ВВП странами-экспортерами трудовых ресурсов (т.е. странами, которые характеризуются масштабной трудовой миграцией за рубеж) подтверждаются и эконометрическими оценками трудовой миграции в центрально-азиатских странах СНГ (Чепель, Бондаренко, 2015). К сожалению, сделать релевантную оценку влияния трудовой миграции на потенциальный ВВП Украины на сегодня не представляется возможным – в силу отсутствия точных данных о её масштабах. Так, Представительство Международной организации по миграции (МОМ) в Украине в середине 2017 г. оценивало количество украинцев, легально и нелегально работающих за рубежом, на уровне 915 тыс. человек²⁷. По данным Госслужбы статистики Украины, в 2015–2017 гг. общие объёмы внешней трудовой миграции из страны составили 1 млн 303,3 тыс. человек²⁸. А по разным экспертным оценкам, как уже указывалось в начале нашей статьи, на сегодня за границей на постоянной основе работает от 4 млн²⁹ до 8 млн³⁰ трудовых мигрантов из Украины или же, от 23 до 46% экономически активного населения трудоспособного возраста, зафиксированного Госстатом на начало 2018 года. При этом следует отметить, что негативное влияние на потенциал роста ВВП Украины со стороны внешней трудовой миграции в последние годы очень усилилось, поскольку из-за событий на Донбассе, влияния социально-экономического кризиса (в т.ч. значительного роста реальной безработицы) и неэффективной антикризисной политики государства она приобрела галопирующие темпы. И главная проблема состоит в том, что, по оценке Министерства социальной политики Украины, трудовая миграция из страны в ближайший период будет только расти, создавая угрозы экономической безопасности государства³¹.

²⁷ Дослідження з питань міграції та торгівлі людьми в Україні – 2017. Представництво МОМ в Україні. URL: <http://www.iom.org.ua/ua/doslidzhennya-z-pitan-migraciyi-ta-torgivli-lyudmi-v-ukrayini-2017>

²⁸ Государственная служба статистики Украины (2018). URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

²⁹ Украина стала лидером по экспорту трудовых ресурсов. РИА "Новости Украина". 30.04.2018. URL: <https://rian.com.ua/analytics/20180429/1034732654/migracionnye-poteri-Ukraine.html>

³⁰ Почему Украина теряет миллионы граждан: реальные масштабы трудовой миграции. 01.03.2018. URL: <https://realist.online/article/pochemu-ukraina-teryaet-milliony-grazhdan-realnye-masshtaby-trudovoj-migracii>

³¹ В ближайшие годы миграция из Украины будет только расти – Минсоцполитики. УНИАН, 05.04.2018. URL: <https://economics.unian.net/other/10070033-v-blizhayshe-gody-migraciya-iz-ukrainy-budet-tolko-rasti-minsocpolitiki.html>

Масштабный и неуклонно углубляющийся демографический кризис в Украине, которая, по оценкам ООН, к 2050 году превратится в одну из самых стремительно вымирающих наций мира.

Процессы межстрановой конвергенции/дивергенции находятся под значимым влиянием демографического фактора, поскольку воспроизводственная динамика ресурса труда, как и динамика человеческого капитала, крайне важны для темпов экономического роста. Безусловно, ключевой характеристикой при этом остаётся производительность труда, но для стран трансформационного типа с недостаточно развитой и конкурентоспособной экономикой, важную роль играют темпы роста рабочей силы и населения. Начавшийся ещё в начале 1990-х демографический спад в Украине на сегодня превратился в глубокий демографический кризис, при котором смертность уже практически вдвое превышает рождаемость – если в 2014 г. в стране на 100 умерших приходилось 74 живорождённых, то в 2017 г. – 63, а по итогам I полугодия 2018 г. – уже только 55³². По официальным данным Госстата, с момента обретения независимости демографические потери Украины уже приближаются к 10-миллионной отметке – численность постоянного населения страны сократилась с 51,6 млн. чел. на начало 1991 г. до 42,1 на начало июня 2018 г. Независимые эксперты указывают, что при оценке косвенными методами убыль населения Украины является значительно большей.

Но самая серьёзная угроза состоит в том, что негативный демографический тренд в Украине в ближайшие десятилетия будет усиливаться и, согласно последним демографическим прогнозам ООН, к 2050 году наша страна выйдет на четвёртую позицию в мировом рейтинге самых быстровымирающих наций (численность её населения сократится к уровню 2017 г. на 18%), а худшими аналогичными показателями в мире будут характеризоваться только Молдова (19%), Латвия (22%) и Болгария (23%) (United Nations, 2017. PP. 11–13; 23–27).

Реальных предпосылок для слома этого негативного тренда, как и сколько-нибудь активной демографической политики правительства, в последние годы в Украине не наблюдается. Вероятно, что уже в среднесрочной перспективе ускоренное сокращение населения страны приведёт к потерям человеческого капитала и, следовательно, – к ощущимому сужению потенциала социально-экономического роста и конвергенции с ЕС. А это, наряду с действием других выше охарактеризованных факторов, формирует высокие риски попадания Украины в ловушку дивергентности.

Выводы

В контексте стратегического евроинтеграционного развития Украины приоритетной задачей для неё сегодня является обеспечение социально-экономической конвергенции (сближения) с ЕС. Для её успешного решения в первую очередь необходимо сломать стремительно усиливающуюся с 2014 г. тенденцию по расхождению (дивергенции) динамики развития Украины и Евросоюза. Ситуация осложняется тем, что при сохранении негативной социальной динамики и неизменности социально-экономических приоритетов государства, в процессе евроинтеграции Украина рискует попасть в ловушку дивергентности, которую можно рассматривать как синтез ловушки бедности и ловушки неконвергентности. В общем случае, в ловушку дивергентности рискует попасть страна, уже находящаяся в ловушке бедности, которая в силу действия ограничителей её экономического роста не способна

³² Государственная служба статистики Украины (2018). URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

конвергироваться с более развитыми странами. На сегодня можно выделить пять основных внутренних факторов, закрепляющих дивергенцию Украины и ЕС в долгосрочной перспективе и, по сути, обуславливающих сверхвысокие риски попадания Украины в ловушку дивергентности: долговой; капитализационный; инновационно-технологический; трудовой миграции; демографический.

Для более детального изучения феномена ловушки дивергентности Украины в продолжение исследования представляется необходимым построение эконометрических моделей для количественной оценки конвергенции (дивергенции) социально-экономических систем Украины и Европейского Союза. По результатам такого моделирования возможна выработка соответствующих рекомендаций в части государственного регулирования, направленных на определение и эффективное внедрение механизмов избегания Украиной попадания в ловушку дивергентности, риски которого на сегодня остаются крайне высокими.

Литература

- Артёмова, Т., Полічко, О. (2009). Капіталізація економіки: еволюція підходів щодо змісту та моделювання в західній економічній думці. *Економіст*. № 12. С. 60–63.
- Бурлай, Т. (2015). Риски формирования модели асоциального государства в Украине. *Економіка України*. № 6. С. 92–97.
- Дабла-Норрис, Э., Кочхар, К., Тсунта, Э. (2015, 15 июня). Секретное оружие роста – бедные и средний класс. Базовая страница блогов МВФ. URL: <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2015/061515r.pdf>
- Липовська, Н. (2017). Інституціональні трансплантації як чинник дезінтеграції Європейського Союзу. Актуальні проблеми європейської інтеграції та євроатлантичного співробітництва України: матеріали 14-ї регіон. наук.-практ. конф. (18 трав. 2017 р., м. Дніпро). Дніпро: ДРІДУ НАДУ. С. 25–28.
- Сіденко, В.Р. (2018). Глобальні структурні трансформації та тренди економіки України. Частина 1. Ключові тренди структурних змін у світовій економіці та в Україні. *Економіка і прогнозування*. № 1. С. 37–57.
- Скрипниченко, М.І., Яценко, Г.Ю. (2018). Інструментальний аналіз розриву ВВП в Україні. *Економіка і прогнозування*. № 1. С. 58–78.
- Унковская, Т. (2016, 19-26 февраля). Как Украине вырваться из ловушки бедности. *Зеркало недели*. № 1081. URL: <https://zn.ua/macrolevel/kak-ukraine-vyrvatsya-iz-lovushki-bednosti-.html>
- Чепель, С.В., Бондаренко, К.А. (2015). Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4(28). С. 142–166.
- Шумська, С.С. (2017). Перспективи зростання економіки України на фоні глобальних трендів. *Економіка і прогнозування*. № 3. С. 7–30.
- Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований (2008). Под ред. д-ра экон. наук А.А. Гриценко. Киев: Форт. 928 с.
- Національний банк України (2018). Перерахунок даних щодо приватних грошових переказів в Україну за 2015–2017 роки. 29 с.
- Неекономічні пріоритети модернізації в Україні з урахуванням інтеграційного досвіду країн Центрально-Східної Європи (2015). Наукова доповідь. НАН України, ДУ "Ін-т екон. та прогнозів. НАН України". 162 с.
- Экономический и Социальный Совет ООН (2000). Обзор мирового экономического и социального положения, 2000 год. № E/2000/50/Rev.1. 300 с.
- Aghion, Ph., Bircan, C. (2017). The Middle Income Trap from a Schumpeterian Perspective. Institute of Global Affairs at the London School of Economics (LSE) *Research Paper Series*, 1, 17. doi: <https://doi.org/10.22617/WPS179029-2>
- Vokosi, F.K. (2018). The Low-Income Trap. Urgent steps are needed to end the cycle of poverty and debt. *Finance & Development*, 55:1, 16–17.
- Derviş, K. (September 2012). World Economy: Convergence, Interdependence, and Divergence. *Finance & Development*, 49:3, 10–14.
- Forgo, B., Jevčák, A. (July 2015). Economic Convergence of Central and Eastern European EU Member States over the Last Decade (2004-2014). *European Economy Discussion Paper*, 001, 31.
- Gräbner, C., Heimberger, Ph., Kapeller, J., Schütz, B. (September 2017). Is Europe Disintegrating? Macroeconomic Divergence, Structural Polarisation, Trade and Fragility. *The Vienna Institute for International Economic Studies Working Paper*, 136, 23.
- Ito, T. (2017). Growth Convergence and the Middle-Income Trap, *Asian Development Review*, 34: 1, 1-27. doi: https://doi.org/10.1162/ADEV_a_00079

- Holland, D., Fic, T., Rincon-Aznar, A., Stokes, L., Paluchowski, P. (August 2011). Labour mobility within the EU – The impact of enlargement and transitional arrangements. National Institute of Economic and Social Research (NIESR) *Discussion Paper*, 379, 71.
- Rodrik, D. (2011). The future of economic convergence. Harvard Kennedy School (HKS) *Faculty Research Working Paper Series*, No. RWP11-033. doi: <https://doi.org/10.3386/w17400>
- Credit Suisse Research Institute (2017). Global Wealth Databook.
- European Commission (2017, 25 March). The Rome Declaration: Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission.
- Eurofound (2018). Statutory minimum wage in the EU – 2018: First findings.
- United Nations (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance.
- UNDP (2015). Millennium Development Goals Ukraine: 2000-2015.
- World Bank Group (2017). Ukraine systematic country diagnostic: Toward sustainable recovery and shared prosperity. Report. No. 114826-UA. doi: <https://doi.org/10.1596/27148>
- World Bank (2018). Growing United: Upgrading Europe's convergence machine.
- World Bank (2018). The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future.
- World Bank (2018). Crony capitalism in Ukraine: impact on economic outcomes: Кумівський капіталізм в Україні: економічні наслідки (Ukrainian). 18 pp. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/435491521811321988/Кумівський-капіталізм-в-Україні-економічні-наслідки>

Поступление в редакцию 03.09.2018

RISKS OF THE EMERGENCE OF DIVERGENCE TRAP IN THE PROCESS OF UKRAINE'S EUROINTEGRATION

Tatiana Burlai

Author affiliation: PhD in Economics, Associate Professor; Senior Researcher, Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine. Email: btv2008@ukr.net

The article characterizes the current dynamics of social and economic development of Ukraine in the process of its European integration based on the Association Agreement with the European Union, signed in 2014. The author highlights the key role of the convergence mechanism in restoring sustainable economic growth, increasing the citizens' well-being, as well as strengthening the integration processes in the European Union and EU international competitiveness. Provided a comparative assessment of the development of Ukraine and selected EU countries by GDP per capita; as well as the sizes of household welfare and national welfare per capita. The author emphasizes the tendency of divergence of the social and economic systems between the European Union and Ukraine, which has been increasingly strengthened in recent years. That tendency is expressed in terms of population welfare and labor productivity. The institutional phenomenon of divergence trap arising from the synthesis of poverty traps and non-convergence is described.

The author characterizes the risks of Ukraine's getting into a divergence trap related to the action of such key domestic factors as: Ukraine's adoption, in 2015, of the conditions for restructuring part of the national debt, which significantly limits this country's economic growth; the unacceptably low capitalization of the national economy in the context of convergence; the galloping labor migration from Ukraine, which causes significant losses of the domestic potential of GDP growth; the insignificant share of innovative technological factor in Ukraine's macroeconomic development. The author notes the necessity of constructing econometric models for quantitative assessment of socio-economic convergence (divergence) between Ukraine and the European Union. The results of such models could be the development of appropriate recommendations as to the government regulation aimed at determining and effective implementation of mechanisms for Ukraine to exit the divergence trap.

Key words: convergence, developmental risks, divergence trap, European integration of Ukraine, EU.

JEL: A130, D630, I310, I390.

References

- Atomova, T., Polichko, O. (2009). Capitalization of the economy: the evolution of approaches to content and modeling in Western economic thought. *Ekonomist – Economist*, 12, 60-63 [in Ukrainian].
- Burlaj, T. (2015). Risks of forming a model of an asocial state in Ukraine. *Jekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 6, 92-97 [in Russian].

- Dabla-Norris, E., Kochhar, K., Tsunta, E. (2015, June 15). The secret weapon of growth is the poor and middle class. The basic IMF blog page. Retrieved from <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2015/061515r.pdf> [in Russian].
- Lipovska, N. (2017). Institutional transplantation as a factor in the disintegration of the European Union. Actual problems of European integration and Euro-Atlantic cooperation of Ukraine: materials 14th region. science-practice conf. (May 18, 2017, the city of Dnipro). Dnipro: DRIDU NADU [in Ukrainian].
- Sydenko, V.R. (2018). Global structural transformations and trends in the economy of Ukraine. Part 1. Key trends of structural objects in their economic economies in Ukraine. *Ekon. prognozuvannâ – Economy and forecasting*, 1, 37-57 [in Ukrainian].
- Skripnichenko, M.I., Yatsenko, G.Yu. (2018). Instrumental analysis of GDP growth in Ukraine. *Ekon. prognozuvannâ – Economy and forecasting*, 1, 58-78 [in Ukrainian].
- Unkovskaya, T. (2016, February 19-26). How Ukraine break out of the poverty trap. *Zerkalo nedeli – The mirror of the week*, 1081. Retrieved from <https://zn.ua/macrolevel/kak-ukraine-vyrvatsya-iz-lovushki-bednosti-.html> [in Russian].
- Chepel, S.V., Bondarenko, K.A. (2015). Is external labor migration a factor of economic growth? Econometric analysis and conclusions for the CIS countries. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii – Journal of New Economic Association*, 4:28, 142-166 [in Russian].
- Shumska, S.S. (2017). Prospects for the growth of the economy of Ukraine on the background of global trends. *Ekon. prognozuvannâ – Economy and forecasting*, 3, 7-30 [in Ukrainian].
- Institutional architectonics and dynamics of economic transformations (2008). Ed. A.A. Gritsenko. Kyiv: Fort [in Russian].
- National Bank of Ukraine (2018). Recalculation of data on private money transfers to Ukraine for 2015-2017 years [in Ukrainian].
- Non-economic priorities of modernization in Ukraine taking into account the integration experience of the countries of Central and Eastern Europe (2015). *Naukova dopovid*. National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Economics and Prognosis of the National Academy of Sciences of Ukraine [in Ukrainian].
- United Nations Economic and Social Council (2000). *World Economic and Social Survey 2000*. No. E / 2000/50 / Rev.1 [in Russian].
- Aghion, Ph., Bircan, C. (2017). The Middle Income Trap from a Schumpeterian Perspective. Institute of Global Affairs at the London School of Economics (LSE) *Research Paper Series*, 1, 17. doi: <https://doi.org/10.22617/WPS179029-2>
- Bokosi, F.K. (2018). The Low-Income Trap. Urgent steps are needed to end the cycle of poverty and debt. *Finance & Development*, 55:1, 16-17.
- Derviş, K. (September 2012). World Economy: Convergence, Interdependence, and Divergence. *Finance & Development*, 49:3, 10-14.
- Forgo, B., Jevčák, A. (July 2015). Economic Convergence of Central and Eastern European EU Member States over the Last Decade (2004-2014). *European Economy Discussion Paper*, 001, 31.
- Gräbner, C., Heimberger, Ph., Kapeller, J., Schütz, B. (September 2017). Is Europe Disintegrating? Macroeconomic Divergence, Structural Polarisation, Trade and Fragility. *The Vienna Institute for International Economic Studies Working Paper*, 136, 23.
- Ito, T. (2017). Growth Convergence and the Middle-Income Trap, *Asian Development Review*, 34: 1, 1-27. doi: https://doi.org/10.1162/ADEV_a_00079
- Holland, D., Fic, T., Rincon-Aznar, A., Stokes, L., Paluchowski, P. (August 2011). Labour mobility within the EU – The impact of enlargement and transitional arrangements. National Institute of Economic and Social Research (NIESR) *Discussion Paper*, 379, 71.
- Rodrik, D. (2011). The future of economic convergence. Harvard Kennedy School (HKS) *Faculty Research Working Paper Series*, No. RWP11-033. doi: <https://doi.org/10.3386/w17400>
- Credit Suisse Research Institute (2017). *Global Wealth Databook*.
- European Commission (2017, 25 March). The Rome Declaration: Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission.
- Eurofound (2018). *Statutory minimum wage in the EU - 2018: First findings*.
- United Nations (2017). *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance*.
- UNDP (2015). *Millennium Development Goals Ukraine: 2000-2015*.
- World Bank Group (2017). *Ukraine systematic country diagnostic: Toward sustainable recovery and shared prosperity*. Report No. 114826-UA. doi: <https://doi.org/10.1596/27148>
- World Bank (2018). *Growing United: Upgrading Europe's convergence machine*.
- World Bank (2018). *The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future*. 234 pp.
- World Bank (2018). *Crony capitalism in Ukraine: impact on economic outcomes*. 18 pp. Retrieved from <http://documents.worldbank.org/curated/en/435491521811321988/%D0%9A%D1%83%D0%BC%D1%96%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D1%96%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%96%D0%B7%D0%BC-%D0%B2-%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%96-%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%96%D1%87%D0%BD%D1%96-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D1%96%D0%B4%D0%BA%D0%B8> [in Ukrainian].